

Типы православнаго духовенства въ современной русской беллетристикѣ.

(Изъ Московск. церкви. вѣдом.)

Среди писателей, пишущихъ о духовенствѣ, въ послѣднее время выдвинулся нѣкто Сергѣй Гусевъ, пишущій подѣ фамиліей Гусева-Оренбургскаго. Это—бывшій священникъ, добровольно и не вслѣдствіе какой-либо семейной катастрофы снявшій съ себя священнической санъ. Отъ такого человѣка, естественно, трудно ожидать благосклоннаго отношенія къ духовенству. И дѣйствительно, въ своихъ довольно многочисленныхъ, хотя и не блещущихъ талантомъ, разказахъ изъ жизни духовенства Гусевъ относится къ нему отрицательно, хотя положительные типы духовенства встрѣчаются все-таки и у него. Но, не довольствуясь оплеваніемъ духовенства въ отдѣльныхъ его типахъ, Гусевъ задумалъ пропѣть отходную духовенству вообще, какъ такому классу, который будто бы служить только задержкою народному развитію и долженъ исчезнуть передъ современнымъ освободительнымъ движеніемъ. Въ частности, онъ старается изобразить освободительный процессъ, происходящій внутри лучшихъ (по его мнѣнію) представителей духовенства и, быть можетъ, происходившій нѣкогда въ немъ самомъ,—процессъ, приводящій ихъ къ полному разочарованію въ своей миссіи и своемъ служеніи и къ сложенію сана. При этомъ наряду съ священниками-отцами онъ ставитъ ихъ дѣтей, уже ярыхъ революціонеровъ, пылающихъ страшною ненавистью не только къ старому строю, но и къ своимъ отцамъ. Все это онъ изобразилъ въ наиболѣе обширной и наиболѣе обратившей на себя вниманіе, хотя, въ сущности, неудачной, своей повѣсти «Страна отцовъ»¹⁾. То же, хотя и въ

¹⁾ „Сборникъ Знанія“, книга, 4-я (Спб., 1905 г.). Разборъ этого разказа

нѣсколько иномъ видѣ, изображаетъ онъ и въ новой своей повѣсти «Одинъ» изъ задуманной имъ серіи «Сказки земли» ²⁾. Замѣтимъ, кстати, что и въ той, и въ другой повѣсти внутренняя драма развивается на почвѣ семейной неудовлетворенности, что уже само собою ослабляетъ значеніе изображаемаго авторомъ процесса.

Дѣйствіе разсказа, какъ и въ «Странѣ отцовъ», связано съ революціоннымъ временемъ. Перейдемъ теперь къ самому разсказу.

Разсказъ начинается реалистическимъ описаніемъ молебна во время засухи. Служить молебенъ отецъ Геннадій, идеалистъ и аскетъ, въ семинаріи спавшій на голыхъ доскахъ, питавшійся однимъ хлѣбомъ съ водою, человѣкъ прямой и строгій и за это много нажившій враговъ, много терпѣвшій и много скитавшійся по приходамъ. То же и здѣсь: дьяконъ недоволенъ тѣмъ, что онъ не беретъ за требы, прихожане—его постоянными обличеніями: его сынъ студентъ ушелъ отъ него и сдѣлался революціонеромъ, а жена, которую онъ страстно, если можно примѣнить къ духовному лицу такое выраженіе, любитъ, ему невѣрна, несмотря на свои уже немолодые лѣта. Отецъ Геннадій этого, впрочемъ, еще не знаетъ, и только любовь къ женѣ, которую онъ считаетъ за святую, и мысль о ней поддерживаютъ его въ его постоянныхъ непріятностяхъ.

Едва кончается молебенъ, начинается ссора. Дьяконъ, получивъ за молебенъ деньги, со звономъ бросаетъ на столъ мѣдныя монеты и, взбрасывая руки, грозитъ отцу Геннадію, поворачивая къ толпѣ багровое лицо, и мечется и кричитъ:

—Люди добрые! Разсудите меня съ нимъ! За Іисуса Сладчайшаго—пятнадцать копеекъ. У меня брюхо... Разсудите меня съ нимъ!.. За Илью пророка—гривенникъ! Пятакъ за «Утоленіе печали». Грошъ, грошъ... «Всѣхъ скорбящихъ радости». Братіе! Гдѣ то видано отъ начала вѣковъ? Мы святыхъ по дешевкѣ распродаемъ. . Отъ всего аукціона я и дѣти мои по міру пойдёмъ!.. Мой сынъ... академикъ... я родилъ академика! Онъ прошелъ высшія науки. «Уставы предковъ священны»,—говоритъ мой сынъ академикъ. Ибо кто установилъ требы и даянія за нихъ? Сирѣчь таксу? Господь...

¹⁾ Сдѣланъ нами въ ст. „Въ невѣрномъ освѣщеніи“ („Душепол. Чтеніе“, декабрь 1905 года).

²⁾ „Сборникъ Знанія“ книга 23-я (Спб., 1908 года).

Бабы умоляютъ дьякона перестать, но мужикамъ передает-ся его возбужденіе, и они окружаютъ отца Геннадія враждеб-ной стѣной.

— Вѣрно!—кричатъ они.—Дьяконъ правильно говоритъ... А кому отъ того легче? Лучше взыщи... что положено. Какъ въ другихъ приходахъ. Взыщи! Не томи только... не томи насъ на-ставленіями! Что въ томъ, что за требы не берешь, а за каждый

? Кто безъ грѣха, что ты всякаго укоряешь грѣхомъ его... Моготы нашей нѣту. Что у насъ... лавра? Хочешь живыми на небо втащить? Только пужаешь зря... вотъ что. У насъ дѣвушки разучились пѣть пѣсни. Бабы, завидѣвъ тебя, прячутся въ чуланы. Да скоро мужикамъ въ пору прятаться будетъ. Запугивалъ все село... Точно въ каждомъ дьяволъ си-дять.

— Кто есть человѣкъ, который любитъ тебя?—вторитъ имъ дьяконъ.—Собственный сынъ ушелъ отъ тебя!

Отецъ Геннадій сначала спокойно слушалъ упреки, но при послѣднихъ словахъ дьякона глаза его вспыхиваютъ, и онъ гнѣвно отвѣчаетъ толпѣ.

— Безумцы!—говоритъ онъ ей.—Обличеньями ли моими не-довольны? Жестокимъ жезломъ моего слова, какъ упорное стадо, гоню васъ въ Царство Отца Небеснаго. А вы... каменные души! Вы отъ боли кричите, ибо нѣтъ въ васъ мѣста, чистаго отъ грѣха!.. Съ гнойныхъ пастбищъ грѣха гоню васъ. Предъ вратами ада сторожу васъ. Ибо я пастырь, а вы—овцы мои, безумныя овцы, забывшія Бога. Ночами въ слезахъ молюсъ за ваши души, за упорныя души... Я обличаю васъ? Да, ибо я голосъ совѣсти вашей. Если бы я не обличалъ васъ,—громъ небесный обличилъ бы васъ... И когда вы тонете, беззаботные, въ черной пучинѣ грѣха, одинъ я стою на стражѣ и за каждымъ шагомъ вашимъ слѣжу...

— За своей женой слѣдилъ бы лучше!—перебиваетъ его чей-то дерзкій и грубый голосъ... Всѣ смущаются, а дьяконъ открыто злорадствуетъ. Не помня себя, отецъ Геннадій даетъ дьякону пощечину, но, придя домой, становится свидѣтелемъ невѣрности своей жены... Земля колеблется подъ ногами отца Геннадія. Онъ убѣгаетъ въ степь и сѣдѣтъ въ одну ночь. Страш-ная мысли о потерѣ жены и о всемогуществѣ грѣха сводятъ его съ ума. На другой день онъ отправляется въ монастырь, къ зна-комому игумену. Но и тутъ не лучше. Монастырь весь, поголов-

но, пьянъ, по случаю щедрыхъ купеческихъ поминокъ, кромѣ одного лишь игумена, который даже переселился на колокольню. Наканунѣ онъ трижды обошелъ вокругъ обители съ иноками и проклялъ діавола, запретивъ ему соблазнять иноковъ. Игумень думаетъ, было, что отецъ Геннадій опять присланъ въ монастырь на послушаніе, но, выслушавъ полную отчаянія и невыразимой скорби исповѣдь его, отвѣчаетъ ему страстную рѣчью о могуществѣ діавола и демоновъ надъ міромъ; даже солнце, луна и небо кажутся ему глазами и лицомъ дьявола, и совѣтуетъ ему подвергнуть свою жену безошадному покаянію.

— Пусть томится въ молитвахъ, пусть исходитъ въ слезахъ. Пусть носить вериги. Пусть пищей ей будетъ хлѣбъ и питьемъ вода. И земля постелью. Пусть закроетъ глаза и не смотритъ на міръ съ красотой его дьявольской... пока душа ея не изойдетъ въ слезахъ и вздохахъ покаянія...— Не кончивъ еще рѣчи, игумень кидается къ колоколу и начинаетъ самъ благовѣстити къ вечерію; потомъ идетъ съ отцомъ Геннадіемъ въ церковь. Ни одного монаха нѣтъ въ церкви. Игумень одиночно отправляетъ службу и выходитъ съ отцомъ Геннадіемъ изъ церкви. Всюду лежатъ пьяные монахи. Игумень, отплевываясь, выходитъ изъ монастыря.

У стѣны, близъ калитки, подъ густымъ кленомъ, стоялъ живой скелетъ, съ узкой сѣдой бородой до пояса, изможденный, съ лицомъ, покрытымъ морщинами, но съ безумно-напряженнымъ, пылающимъ, точно провалившимся, взглядомъ. Онъ былъ въ грязной рубахѣ... и стоялъ на одной ногѣ, другую поджавши подъ себя. Перебиралъ огромныя черныя четки. А на деревѣ вокругъ него висѣли крестики, ленты, образки—дары богомольцевъ.

Игумень остановился.

— Побѣждаешь ли, братъ Зосима?

Зосима заговорилъ, точно хриплые часы на старой башнѣ:

— Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ...

— Соблазняютъ ли видѣнія?

— Бѣсы!—хрипѣлъ Зосима. Бѣсы!..

Глаза его дико пылали.

— Благослови, авва отче, продолжать искусь мой!

Игумень осѣнилъ его крестомъ.

— Стой, Зосима... молись за міръ... молись за насъ грѣшныхъ!..

Игумень съ отцомъ Геннадіемъ идутъ дальше и вдругъ слышатъ веселую пѣсню. За поворотомъ видятъ они кучу монаховъ, среди которой двое изъ нихъ отплясываютъ въ присядку. При видѣ игумена они въ одно мгновеніе разбѣгаются; остается только одинъ и начинаетъ спокойно доказывать игумену, что онъ этимъ весельемъ только посрамилъ діавола.—«Онъ хотѣлъ соблазнить меня водою веселія... Ну, я ее выпилъ. Я, какъ Христосъ въ Канѣ, не только превратилъ воду въ вино, но выпилъ его. Діаволь вселилъ въ душу мою тоску, но я убилъ ее веселіемъ. Я, какъ Давидъ, скакаше и играя. И душа моя осталась чиста передъ Господомъ, ибо, по завѣту апостола, что ни дѣлалъ,—дѣлалъ во славу Божию. И діаволь бѣжалъ посрамленный»...

Мало-по-малу робко подходятъ и остальные монахи и стоятъ, склонившись въ пояскомъ поклонѣ предъ игуменомъ. Горько и въ сильныхъ выраженіяхъ упрекаетъ ихъ игумень, затѣмъ ставитъ ихъ на колѣни и поетъ съ ними погребальный канонъ. Отцу Геннадію кажется, что онъ присутствуетъ при погребеніи міра.

Въ томъ же настроеніи возвращается уже ночью отецъ Геннадій домой и застаетъ тамъ сына, который пришелъ къ нему тайкомъ ночью, такъ какъ его ищетъ полиція—и можетъ явиться, по его слѣдамъ, даже сюда—какъ революціонера и даже одного изъ предводителей въ вооруженномъ возстаніи. Еще большій ужасъ охватываетъ отца Геннадія при этомъ извѣстіи. Онъ выходитъ съ сыномъ въ степь, и тамъ между ними начинается и разгорается ожесточенный и страстный споръ, изображенный авторомъ въ крайне вычурной формѣ. Бурно и яростно, какъ студентъ въ «Странѣ отцовъ», громить Георгій (такъ зовутъ сына отца Геннадія) всѣ устои стараго міра, обѣщая побѣду революціи и будущее братство людей, и, наоборотъ, восторженно прославляетъ то, въ чемъ отецъ Геннадій видитъ гибель міра—свободное плотское общеніе людей. Отецъ Геннадій возражаетъ сначала энергично и страстно, но потомъ все болѣе и болѣе слабѣетъ, сдается и умолкаетъ предъ бурнымъ натискомъ и страстными доводами сына: съ нимъ начинается переворотъ, произошедшій съ отцомъ Иваномъ въ «Странѣ отцовъ». Ему начинаетъ казаться, что сынъ правъ, и игумень уже начинаетъ казаться ему злымъ чернымъ ворономъ, и съ радостью привѣтствуетъ онъ недалекую уже торжествующую жизнь... Между тѣмъ въ

домъ отца Геннадія уже являются солдаты и ищутъ Георгія. Въ самомъ безобразномъ видѣ описывается обыскъ. Но Георгій успѣваетъ скрыться и черезъ нѣкоторое время присылаетъ отцу при- вѣтъ и вѣнокъ.

Жизнь отца Геннадія, между тѣмъ, становится еще хуже. Духовенство обѣгаетъ его, деревенскіе озорники устраиваютъ подъ его окнами по вечерамъ кошачьи концерты, поютъ насчетъ его жены неприличныя пѣсни и мажутъ дегтемъ ворота... Однажды приходитъ дьяконъ, торжествующій и веселый.

— «Ну, прощайте,—заявляетъ онъ отцу Геннадію,—живите какъ хотите, а я отъ васъ ухожу... Получилъ назначеніе. Бога- тѣйшій приходъ! Однихъ браковъ за годъ двѣсти. А нашъ братъ только браками и живетъ. Настоятелемъ же тамъ отецъ Любо- правдовъ... строгій человѣкъ, приходъ въ рукахъ держитъ. Ужъ тамъ не будутъ расплачиваться пятаками за «утоленіе печалей». Нѣ—этъ! На все своя такса».

Но отецъ Геннадій переноситъ несчастіе съ гордо поднятой головой и по цѣлымъ днямъ перечитываетъ Библію, «ища отвѣта на свои мучительные запросы». И, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на него новыхъ чувствъ, примиряется съ женой, находя, что ее не за что и не въ чемъ обвинять. Она объясняетъ ему, что это произошло отъ того, что «дѣвочкой она очень любила смѣхъ». Вмѣстѣ они говорятъ о сынѣ. Между тѣмъ у отца Геннадія являются неожиданные и таинственные защитники: бьютъ и раз- гоняютъ озорниковъ и закрашиваютъ вымазанныя дегтемъ ворота. Отецъ Геннадій не можетъ понять, кто эти неожиданные друзья, и приходитъ къ заключенію, что онъ плохо зналъ своихъ прихо- жанъ и «въ вѣчной борьбѣ съ грѣхомъ просмотрѣлъ то милое, что вокругъ таилось, то человѣческое, что, какъ невидимый ковчегъ, несется по волнамъ звѣринаго потопа въ невѣдомое свѣтлое царство»...

Отецъ Геннадій все болѣе и болѣе сливается мыслью и ду- шою съ сыномъ и уже не чувствуетъ себя болѣе одинокимъ. „Гдѣ-то вблизи него таилось близкое, протягивало къ нему ми- лыя нѣжныя руки братства. Бодрыя улыбки чудились ему... звали смѣлые голоса. И въ груди его разрослось свѣтлое стремленье, жажда—протянуть имъ руки, слиться съ ними въ радостномъ чувствѣ“... И степной вѣтеръ уже не дышетъ ему въ лицо „пла- чущей и хохочущей бурей“, а „нѣжно смѣется въ лицо ему“..

Разсказъ представляетъ собою блѣдную вариацию «Страны отцовъ» и неудаченъ еще въ большей степени, чѣмъ она, хотя радикальною критикою уже прославленъ и возвеличенъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь выведенъ достойный сельскій священникъ, разочаровавшійся, правда, подъ влияніемъ семейной неурядицы, во всѣхъ устояхъ стараго міра, даже въ религии. Только отецъ Иванъ въ «Странѣ отцовъ» — человекъ добродушный и мягкій, тогда какъ отецъ Геннадій — суровый аскетъ и фанатикъ. Страннымъ образомъ съ этимъ суровымъ аскетизмомъ уживается въ отцѣ Геннадіи страстная любовь къ женѣ. Суровому фанатику Геннадію весь міръ, въ особенности послѣ измѣны жены, кажется царствомъ сатаны и грѣха; еще въ большей степени убѣждены въ этомъ два другіе, еще болѣе фанатичные представители стараго міра: игумень и полусумасшедшій юродивый Зосима, молящій о гибели грѣшнаго міра. Но они безсильны противъ жизни, которая ключомъ бьетъ вокругъ нихъ. И стоило только Геннадію столкнуться съ представителемъ новаго міра — Георгіемъ, какъ его міросозерцаніе разлетается впрахъ предъ побѣдоноснымъ, увѣреннымъ въ своей силѣ и грядущемъ недалеко торжествѣ, міросозерцаніемъ Георгія. Такимъ образомъ, и здѣсь какъ и въ „Странѣ отцовъ“, изображена побѣда новаго, революціоннаго міросозерцанія надъ старымъ, — побѣда, одержанная не только въ нѣдрахъ, но даже въ самыхъ основахъ этого послѣдняго. Выводъ утѣшительный и понятный для революціонеровъ, но только для нихъ однихъ, а для всѣхъ остальныхъ висящій на воздухѣ.

Въ иллюстраціяхъ своей мысли авторъ доходитъ до бессмыслицы. У строгаго игумена, котораго монахи боятся, какъ огня, весь монастырь поголовно оказывается пьянъ, и къ повечерію не является никто. Этого даже и у нестрогихъ игуменовъ не бываетъ.

Мужики негодуютъ на отца Геннадія за то, что онъ мало беретъ съ нихъ за требы, т. е. въ сущности за то, что сами они почти ничего не даютъ ему. — Сельскій дьяконъ собирается къ переходу въ другой приходъ въ одинъ день. — Но всего страннѣе радость и сочувствіе отца Геннадія грядущей революціи, которая, въ томъ видѣ, въ какомъ рисуется и сулитъ ее его сынъ, должна пройти по его трупу. «Георгій... уже бился съ призраками, уже наполнялъ степь образами крови. Вспыхнули пожары. Затрещали залпы. Стеня, бѣжали, сгибаясь, тѣни, ко-

веня землю. Вырастали висѣлицы, впивались въ небо»... Сомнительно, чтобы на потокахъ крови и «впивающихся въ небо» висѣлицахъ создались и выросли радость, красота и братство. И что за положеніе, для доказательства котораго требуются такія безсмыслицы? Какова его цѣнность?

Болѣе чѣмъ странно въ устахъ *священника* отца Геннадія сравненіе своей жены со... Христомъ.—«Святитель Николай... Арія... за Христа... а я за жену мою... за святую!»—кричитъ онъ, ударивъ дьякона по щекѣ. Странно также со стороны дьякона дразнить отца Геннадія невѣрностью его жены, когда соблазнителемъ ея является не кто иной, какъ его собственный сынъ, студентъ духовной академіи. Любопытно и это стремленіе, замѣчаемое, впрочемъ, не у одного лишь нашего автора,—оплевать и унижить духовное юношество академическое въ сравненіи съ тѣмъ же юношествомъ, но университетскимъ, которое у нашего автора выставляется строителемъ новой жизни и сокрушителемъ устоевъ, на которыхъ держалась жизнь ихъ отцовъ.

Стиль разсказа донельзя вычурный, манерный, декадентскій. Замѣтно (тоже и въ другихъ разсказахъ этого автора) явное подраженіе Леониду Андрееву.

Свящ. Н. Колосовъ.